

ВСТРЕЧИ ПО ВАШЕЙ ПРОСЬБЕ

«ПОЧЕМУ-ТО ВСЕ СМЕЮТСЯ...»

массовках, а затем одновременно с теми же массовками сыграл свою первую большую роль Лопеса в «Дне чудесных обманов», а через год Федю Рудого в пьесе Ю. Принцева «На улице Счастливой», Лариосика в «Днях Турбиных» М. Булгакова...

— Но актером я, разумеется, еще не стал, — заметил Евгений Павлович, вспоминая о трудных и счастливых временах своей актерской молодости. — Лариосик, например, стоил мне долгих мучений. Михаил Михайлович Яншин сам играл когда-то Лариосика и относился к этой моей работе с особой требовательностью. Много раз повторяли мы с ним эпизод первого появления Лариосика, и Яншин ворчал: «Выскочи... как молодой меринок... Ха-ха-ха... А где поезд, который столько дней тащился из Житомира, стрельба, бандиты, тревога, атмосфера, которую ты должен с собой принести?»... — И я шел после репетиции по улице Горького, наткываясь на деревья — от усталости, от растерянности, от сомнений, сыграв ли я когда-нибудь то, что хочет мой учитель...

— Я всегда жил в искусстве трудно, — добавил Евгений Павлович.

Спектакль «Дни Турбиных» имел успех, и, как это часто бывает в судьбе театральных актеров, успех Леонова на сцене тут же подхватил кинематограф. Воспитанный театром, Евгений Леонов не воспринял первые приглашения сняться как поворот в своей творческой судьбе: он привык считать театр домом, а кинематограф — недолгим пристанищем.

Но вышло так, что и «Дело Румянцева», и «Крепостная актриса», и «Полосатый рейс», и «Донская повесть», и «Тридцать три» — все эти фильмы стали, каждый по-своему, заметными на экране 50—60-х годов. И постепенно кинематограф занимал все большее и большее место в творчестве Евгения Леонова. Настолько, что теперь, по его собственному признанию, трудно сказать, сцене или экрану принадлежит он в большей степени.

— Однако, — поспешил огорчиться Евгений Павлович, — бывает ведь и наоборот, что как раз кинематограф первым, и так сказать, крупным планом заявляет о таланте актера. Вспомните судьбу Евгения Урбанского. Еще студентом он сыграл одну из лучших своих ролей — Губанова в фильме «Коммунист». И были люди, которые говорили: киноактерство он прекрасный, а каким будет на сцене — еще не ясно... Это очень ранило Женю Урбанского. После того как он погиб, стали говорить: а вот если бы он сыграл на сцене Отелло...

Актерская судьба зависит от очень многих причин: от коллегива, в котором мы работаем, от общего уровня творческой культуры театра, от устремлений режиссера, от того, как видит он пьесу, которую собирается ставить, и видит ли в ней меня — актера... И еще, само собой разумеется, мы зависим от репертуара, от драматического образа, в который должны вложить свою душу...

И Леонов, у которого все, казалось бы, так легко, с таким успехом и на сцене, и на экране получается, повторил еще раз.

— Художнику приходится бороться за себя в искусстве, а это всегда трудно...

КОГДА-ТО в детстве, еще до войны, школьника Женю за гунхленькое, симпатичное личико пригласили сниматься в кино. (Дебют не состоялся: родители не пустили). Сколько раз потом, уже во взрослой жизни, артисту приходилось сознавать: эту роль предлагают только потому, что видели милейшего голубоглазого Лариосика...

Сейчас, когда Евгением Леоновым создано множество великолепных образов от Лариосика до царя Креона на сцене, от трагикомического образа в «Карусели» (по чеховским рассказам) до слесаря Приходько в «Белорусском вокзале», рамки творческих возможностей артиста кажутся огромными.

— По-моему, — сказал Евгений Павлович, — артист не должен ограничивать себя рамками амплуа, всегда найдется множество людей, готовых это за него сделать (я имею в виду и режиссеров, и критиков, и зрителей). Мог бы я, например,

вот такой, какой я есть, — толстый, добродушный, смешной, — сыграть Гамлета? А почему бы и нет! Может быть (если бы, конечно, мне удалось преодолеть страх перед необычностью такой работы) шекспировский герой в моей трактовке и убедил бы всех. Ведь предлагали же мне однажды сыграть на сцене короля Лира. Я играл бы трагедию обманутой доверчивости...

Наверное, только зрелый мастер может позволить себе быть столь глубоко убежденным во всемогуществе художественного творчества. Не успех, не всеобщее признание (этих слов Евгений Павлович всячески избегает), а именно зрелость таланта дарит художнику такую счастливую свободу творчества: «Я каждый раз начинаю снова. Каждую роль. Каждый спектакль. Люблю в искусстве сплюснутость и неожиданность...»

При обилии ролей, которые буквально обрушилось на Леонова за последнее время, невольно смотришь настороженно: не повторяется ли актер? Разумеется, в каждой новой работе Леонов остается Леоновым, и вместе с тем в лучших своих работах — «Белорусском вокзале», «Совсем пропащем», «Легенде о Тиле Уленшпигеле» (уже по материалу фильма можно судить о том, насколько органичен артист в роли Ламме Гудзака) он всякий раз по-новому глубок и человечен.

— Мне приходилось слышать, — говорит Евгений Павлович, — что основная моя тема — это тема доброты. Но было бы странным специально искать героев добрых! Пожалуй, точнее было бы утверждать, что я никогда не обвиняю их: обвиняют — не моя тема, я защищаю...

Он защищает, а мы — смеемся... Смеемся над Санчо, хочем над Травиным из фильма «Тридцать три», улыбаемся папе — Ледневу во всех четырех сериях «Большой перемены». И будем, наверное, смеяться над изысканными сентенциями протодушным Колей, другом Афони (друзь Леонова с Куравлевым в новом фильме Г. Даниели обещает немало веселых минут) и улыбаемся Ламме Гудзаку, верному соратнику Тиле... Мы смеемся, а он своей доброй и грустной улыб-

кой и взглядом, в котором светится бесхитростная душа, защищает человеческое достоинство...

— Не смешите больше, чем нужно, — предостерегал нас Яншин, — вспоминает Леонов. — Он учил меня бороться с искусством «работать на зрителя», то есть делать на сцене то, чего от тебя все ждут, учил жить на сцене только образом и не думать о том, как позэффектнее под аплодисменты покинуть сцену. Актерская профессия коварна, легкого успеха не прощает... Годы пройдут, и не соберешь того, что растерял, и даже не поймешь, как это произошло. А произошло потому, что раз за разом разрешал себе играть роль, не отдавая ей свою душу.

П А Р Н И Ш К А, недавний слесарь (во время войны подростком пошел на завод, где работал отец), на приемных экзаменах в театральную студию читал Маяковского. И все смеялись — потому, наверное, что очень уж не вязались чеканные строки поэта с наружностью абитуриента. От первого актерского шага — быть самим собой на сцене, не развязным и не скованным, а истинно органичным, до умения отказаться самим собой в царя Креоне и старике Ванюшине, от комедийной характерности к драматизму шел Евгений Леонов. Он насколько не ломал при этом свою индивидуальность, просто с годами все отчетливее, определеннее проступали ее черты.

На творческих встречах, выступая перед зрителями, Евгений Леонов рассказывает о себе. Он ничего при этом не выдумывает, — война, завод, авиационный техникум, театральная студия, — но рассказывает вроде бы не всерьез. «Все почему-то смеются», — говорит Евгений Павлович и даже удивляется будто бы этому обстоятельству, хоть и прекрасно понимает, что, во-первых, инерция славы комика живуча, а во-вторых, в современном общедоступном языке понятие «комедия» очень широко. Мы улыбнулись удачной шутке — «комедия», возмутились чьей-то вопиющей тупостью — «комедия», удивились необычайному, но безобидному хитросплетению судьбы — опять она же. Евгений Леонов убежден: «человек не может быть только смешным». Он, как и его зрители, вкладывает в понятие комического по-современному широкий поэтический смысл. И поэтому, наверное, приходится слышать, что «нынче без Леонова комедия — не комедия»: без человечности, доброты и искренности на сцене ли, на экране самое смешное только позабавит, но не тронет нас...

Н. КОЛЕСНИКОВА.

«БЕЗ ЛЕОНОВА нынче комедия — не комедия», — сказала одна завзятая телезрительница и была не одинока в этом признании. К Евгению Леонову действительно пришла сейчас необыкновенная популярность. Он снимается в комедии «Да здравствует цирк!», которую ставят совместно советские и чехословацкие кинематографисты. Он только что закончил работу у режиссера Георгия Даниели в фильме «Афоня», где играл острохарактерную роль. Он создает образ Ламме Гудзака в многосерийной «Легенде о Тиле Уленшпигеле», которую снимают Александр Алов и Владимир Наумов. Он готовится к репетициям в чеховском «Иванове» (главная роль) на сцене Театра имени Ленинского комсомола...

Как явствует даже из этого далеко не полного перечня, сегодняшний репертуар Евгения Леонова состоит не из одних лишь комедий. Иванов, например, — образ, исполненный глубокого нравственного трагизма, а Ламме Гудзак — этот «мешок добра», скорее трогателен, чем смешон... Быть может, именно герой романа Шарля де Костера точнее всего отвечает существу таланта артиста: быть одновременно и смешным, и трогательным, и мудрым в своей доброте, и искренним в своих страданиях (пустяковых или значительных — в зависимости от предлагаемой ситуации), словом, органически цельным в каждом душевном проявлении.

Одним из своих учителей Евгений Павлович называет народного артиста СССР М. Яншина. Под его руководством он начинал работать в Московском драматическом театре имени К. С. Станиславского, окончив театральную студию. Сначала, как водится, в